

Andrij O. KOLESNYKOV

Grand PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Ukrainian Language and Literature Chair, Izmail State University for Humanities; 12 Repin str., Izmail, 68600, Ukraine;
e-mail: akolesnykov2015@ukr.net; тел.: +38 066 9745497; ORCID ID: 0000-0002-8365-7598

SUBSTANTIVE PRONOUNS IN THE UKRAINIAN DIALECTS SPREAD BETWEEN THE DNIESTER AND THE DANUBE RIVERS

Summary. The *object* of the article is the problem of the origin and dynamics of the pronouns in the Ukrainian dialects spoken between the Danube and the Dniester rivers. The *subject* of this study is the specificity of substantive pronouns realization in the Ukrainian dialects of above-mentioned region. The *purpose* of the article is to investigate the peculiarities of substantive pronouns functioning in dialectal speech — dialectal texts and the questionnaire answers of bearers. The research is done descriptively. Due to a new *methodology* which takes into consideration the combining dialectal textography and special developed program the author had succeed in illustrating the status of dialectal feature and stages of dialectal genesis, the study is differed by the application to contradictory data of dialectal texts and program as a source of linguistic information about dynamics. The *finding* of morphological analysis of substantive pronouns is defining according to the origin character monogeneous South-West Bukovina-Podillya, Zakarpatskiy, West-Polissya dialectal types. According to the degree of reduction the stable dialects with low reduction, minimal level of dynamics and unstable ones with higher degree of reduction, considerable level of dynamics are selected. The *practical value* of the research is to use the *results* of it to study the other Ukrainian dialects of this region.

Key words: Ukrainian resettlement dialect, grammar, substantive pronouns, the genesis markers, dialectal type, dynamics.

Статтю отримано 23.04.2016 р.

УДК 811.512.1'01'373.231/.232

МУССАБЕКОВА Урзада Абилкасимовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва; Астана, Казахстан; e-mail: mussabekovaya@yandex.kz;
ORCID ID: 0000-0002-0784-3874

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ)

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотреть имя собственное, которое включает в себя культурную информацию, являясь отражением этнических и эстетических установок. *Объект* анализа связан с различными периодами социально-культурной жизни, характеризующейся стереотипными представлениями о функции имени в обществе, отражающей события его политической или духовной жизни. *Предмет* исследования — анализ антропонимических систем трёх больших групп в доисламский и исламский периоды тюркских народов. *Результаты* работы свидетельствуют о способности самосохранения семантической структуры и перечня единиц древнетюркской антропонимической системы. В работе использованы *методы* синхронического и диахронического изучения имён собственных, что позволяет перейти от описания частных закономерностей к обобщающим исследованиям антропонимических проблем в лингвистике, психологии и социологии. *Практическая* актуальность исследования сопряжена с неугасающим интересом людей к именам, познанию их значений, влияния на судьбу человека, его поведение в обществе. *Выводы.* Одной из причин «долголетия» тюркской антропонимической системы является её теснейшая связь с устойчивыми древними этническими традициями, которые проявляются в уважении предков и их имён. Антропонимия даёт уникальный богатый материал для исследования реликтовых словообразовательных моделей и этнической истории. В ЯКМ тюркских народов принцип антропоцентризма сохраняется даже тогда, когда цена жизни человека нивелируется, а общество избирает другие ценностные ориентиры.

Ключевые слова: антропонимическая система; имянаречение; имянаречение; новотюркская эпоха; древнетюркские и кыпчакские антропонимы; идентификация.

Постановка проблемы. В силу исторически сложившихся предпосылок развитие антропонимов играет огромную роль в жизни тюркского народа. В связи с этим несомненный интерес представляют современные тюркские антропонимы. Сегодня ономаσιологический аспект имени собственного в большей степени проявляется в сфере функционирования языка, поскольку имена собственные появляются в естественно звучащем языке [10]. «Человек сначала должен

был научиться обобщать и создавать слова для обозначения общих понятий, а уже потом освоить технику различения однородных явлений, предметов одного и того же класса и научиться давать именованию индивидуальностям» [4, с. 6].

Современная лингвистика определяет язык как сложную знаковую систему [10; 7]. Имена собственные являются одной из значимых частей этой системы. Человек проживает с именем всю свою жизнь. Оно представляет собой своеобразное замещение человека как в семье, так и в других сферах общения. История тюркских народов чрезвычайно богата и многообразна. На определённых этапах своего исторического развития тюркские племена контактировали с иными этносами, что отразилось в языке и истории и оставило заметный след в культуре народа, в частности, в традициях имятворчества и имянаречения.

Современный подход к изучению языка объединяет усилия лингвистов, психологов, социологов. Актуальность исследования антропонимической системы сопряжена с неугасающим интересом людей к именам. В качестве связующего звена всех сторон комплексного рассмотрения места имени в структуре самосознания личности и эволюции антропонимикона мы выдвигаем принцип диалогичности имени. Таким образом, актуальность исследования определяется тем, что в центре внимания находится человек как «творец имён» (термин Ю. Н. Караулова).

Изложение авторской позиции. Изучение имён, бытующих в Казахстане, имеет долгую историю, в ходе которой в научный оборот введён богатейший фактический материал, получивший детальное структурно-системное описание с позиций истории возникновения, семантики, функционирования антропонимов разных типов в разных типах дискурса. Выбор имени является одной из составляющих конструирования личности, в ходе которого преодолеваются ограничения биологического пола; этническая принадлежность также не обязательно манифестирует себя через имя. На наш взгляд, личность человека и его имя тождественны по отношению друг к другу. Имя, которое человек получает после рождения, сразу же привыкая к нему, на всю жизнь откладывается в его подсознании и становится уникальным идентификационным кодом его личности. Расширяя теорию тождества, мы бы хотели отметить, что в тюркском этносе личное имя носит дополнительную нагрузку. Тюркский народ верит, что при выборе личного имени родители закладывают в своего ребенка энергетическую программу, в которой заложены требования и пожелания, определяющие его будущее. Тождество имени и судьбы человека, а не только его личности, является основополагающим тезисом в тюркской картине мира. Имя собственное заключает в себе огромное количество культурной информации, являясь отражателем этнических и эстетических установок, которые установлены в том или ином социуме. Оно связано с различными периодами социально-культурной жизни, характеризующейся стереотипными представлениями о функции имени в обществе, которое отражает события политической или духовной жизни страны. В языковой картине мира сохраняется принцип антропоцентризма даже тогда, когда в обществе обесценивается жизнь человека и избираются иные ценностные ориентиры. Имя собственное человека столь широко рассмотрено в разных сферах, что дальнейшее его исследование представляется возможным только с привлечением данных, накопленных языкознанием, философией, социологией, культурологией.

Обращение к антропонимической системе с позиции человеческого сознания, учёт связи речемыслительной деятельности личности с её внеязыковым окружением позволяет вскрыть глубинные процессы динамики антропонимикона тюркских народов. Современная антропонимия — это результат длительной языковой и культурной деятельности людей. Именно поэтому необходимо учитывать комплексный характер антропонимических исследований и ряд дополнительных лингвистических и экстралингвистических факторов. Антропоним является компонентом лексико-семантической системы языка как сам по себе, так и в составе взаимодействующей с нарицательной лексикой единицы, часто сохраняющей в своём составе основы уже утраченных апеллятивов. Антропонимия даёт уникальный богатый материал для исследования реликтовых словообразовательных моделей и этнической истории.

Изложение основного материала. Этнический состав тюркских групп в древний период с древнетюркским, древнекыпчакским этносами, огузо-кыпчакскими племенами, уграми, позднее их тесные контакты с поволжскими татарами, башкирами, бухарцами, казахами, которые значительно повлияли на их именование [3; 5]. Наиболее древними компонентами современной тюркской антропонимической системы являются древнетюркские, кыпчакские, булгарско-кыпчакские имена. В дальнейшем тюркская антропонимия эволюционировала под влиянием имён, использовавшихся народами, входившими в восточное объединение: тувинцами, якутами, хакассами, монголами. Например, тюркские имена типа *Чалабай* имеют основу *чала*, *cala*, сохранившуюся в тувинском языке: тувинский глагол *чала* восходит к монгольскому *gala* «посылать», «быть посланным богом», а существительное *бай* имеет значение «пророк», «посланник бога». Наличие антропонимов монгольского происхождения исторически обусловлено, поскольку ещё в начале XVII в. значительные массы западных монголов занимали территории по берегам Оби, Иртыша. Культура имянаречения в современной тюркской семье характеризуется сохранением традиций, свойственных для тюрков конца XIX в.

Национальная антропонимия является сложной системой, объединяющей ряд подсистем, строящихся по словообразовательному, смысловому или коммуникативному принципу. В ней выделяются и такие подсистемы, которые слагаются из имён, объединённых сходством или противоположностью значений их основ. В их развитии проявляются определённые мыслительные и языковые закономерности общего характера. Идеалом всех ономастических исследований является представление всей антропонимической системы полностью, «во всём её движении от истоков до перспектив. Полностью он неосуществим, но к нему можно приблизиться, с одной стороны, накладывая один на другой синхронические срезы, а с другой — связывая диахронически прослеживаемые изменения тех или иных антропонимических явлений» [6, с. 51]. Действительно, имея разные предметы исследования в пределах одного объекта, синхронный и диахронный анализы «дополняют друг друга и открывают возможность увидеть и «сиюминутную» жизнь языка, и его жизнь во времени» [1, с. 92].

Основополагающим является замечание В. А. Никонова: «Только в перспективе времени и пространства видна динамика имён: одни тенденции генеральны, определяющие, другие — второстепенны и подчинены, а некоторые направлены против течения» [8, с. 26]. Новым в именнике народа является не только появление имён, которых до этого не было, а смена частотности прежних имён. Анализ исторических данных способствует лучшему пониманию антропонимической системы, поскольку она является итогом длительного развития. Наличие исторически сложившегося и продолжающегося развиваться корпуса антропонимов, с одной стороны, и возможность рефлексировать над именем, выбирать его для новорожденного, а затем варьировать его именование, с другой, определяют ракурс рассмотрения антропонимов как существующих «вне человека» и «в человеке». Но лишь в последние годы антропонимы стали рассматриваться с точки зрения выявления фактического восприятия имени членом конкретного лингвокультурного сообщества. Семантика именовании почти не зависит от различий языков. Мужские имена, означающие пожелание силы, смелости, ловкости, власти, обычны у большинства народов. Имя-пожелание *Тумэр* (монг.-бур. *тумэр* 'железо') встречается во многих формантных именах монгольских ханов: *Улзытэ Тумэрхаан*, *Есунтумэрхаан*, *Туб Тумэрхаан*, *Тугэс Тумэр Усгалхаан* и др. В наше время многие из упомянутых антропонимов функционируют в именниках тюркских народов, что объясняется либо генетической близостью древних племён, либо длительным контактированием, что, возможно, обуславливает общность антропонимической лексики. При расшифровке следует учитывать, что родовые имена могут иметь тотемный характер: тюрк. *Кубдуг* 'панцирники', тюрк. *Худай* 'божество', тюрк. *Албин* 'собака' (монг.-бур. *Галзут* 'яростные, бешеные собаки', монг.-бур. *Шарайт* 'рыжие собаки', монг.-бур. *Бодонгут* 'дикие кабаны'); иметь отношение к топонимам (тюрк. *Хуасай* 'жители светлой равнины', тюрк. *Харгана* 'жители места, богатого караганником'). В антропонимической системе мы выделяем три пласта антропонимов. Первый пласт — это имена, унаследованные от древнетюркских и средневековых кыпчакских этнонимов и антропонимов. Второй пласт — имена исламского периода, получившие развитие в новотюркскую эпоху. Третий пласт — имена, заимствованные из антропонимиконов контактировавших с тюрками народов.

На разных этапах эволюции общества функционировала своя антропонимическая система. На базе древнетюркского языка существовала древнетюркская и древнекыпчакская антропонимические системы. Формирование и развитие антропонимической системы связано с культурными традициями тюрков, кыпчаков, болгар, уйгуров, карлуков. Родоплеменные названия, этноантропонимы тюрков позволили определить язык-основу антропонимических систем. В среднетюркский период (X–XV вв.) происходит слияние племён и родов, что ведёт к формированию единой духовной и материальной культуры и является причиной функционирования в именнике тюркских антропонимов различного происхождения. Тюркизация и принятие ислама золотоордынцами тоже значительно повлияли на антропосистему тюрков. Среднетюркский период можно разделить на три хронологических этапа: болгарский этап (X–XIII вв.) как предзолотоордынский период, золотоордынский этап (XIII–XV вв.) и поздnezолотоордынский этап или татарско-ханский период (середина XV–XVI вв.).

Современный именник тюрков характеризуется наличием антропонимов общетюркского и арабского происхождения. Проникновение мусульманских имён происходило несколько столетий. Причиной тому является противостояние местного язычества новой религии. Изучив исторические документы, Ф. Х. Гильфанова делает вывод о том, что знакомство с исламом населения бассейна реки Иртыша происходит с первой половины XV в., когда сюда стали прибывать мусульманские вероучители, и до правления хана Мухаммеда Шейбани. «Знакомство с исламом» было насильственным. Ишан Багаутдин поручил своим шейхам «учинить... великую войну за веру» с татарами, «не имевшими истинной веры и истинных понятий и поклонявшимся куклам» [2, с. 78–79]. Во второй половине XVI в., в период правления хана Кучума, Сибирское ханство уже предстаёт как мусульманское государство. В течение XV–XVI вв. наблюдаются волны исламизации населения данного ареала, однако среди некоторых групп исламизированность остаётся неясной вплоть до XVIII в. Многие учёные придерживаются мнения, что ислам тайно

распространялся муллами только с 1720 г., так как в середине XVIII в. большая часть сибирских татар ещё не приняла ислам, а окончательно он утвердился в первой половине XIX в. Что касается глубины проникновения ислама в народные массы, то исследование антропонимической системы тюрков даёт следующую картину. Первыми ислам приняли татары (середина XVIII в.), тобольские и тюменские татары — к концу XVIII в., барабинцы — в начале XIX в. В данном случае принятие ислама происходило осознанно, нарекать ребёнка мусульманскими именами могли родители, которые хорошо усвоили ислам и следовали учению Корана. Действительно, несмотря на достаточно раннее начало исламизации тюрков, оно не могло окончательно доисламизироваться, пережитки языческой веры остаются и в настоящее время.

Ф. Х. Гильфанова выделяет следующие этапы исламизации тюрков: I этап: середина XV—XVI в.в. — первые волны исламизации, «*знакомство*» с исламом носило *принудительный характер* со стороны ишанов, шейхов, правверных мусульман Востока; II этап: XVII — середина XVIII в. — *усвоение ислама*, распространение его относительно *мирным путём*. Об этом свидетельствуют мусульманские начальные школы при мечетях и средние школы, а также мусульманская или арабская культура под общим названием «восточная» культура; III этап: середина XVIII—XIX в. — происходит *естественная исламизация* населения [2, с. 188–194]. Мощным толчком принятия мусульманской веры явилась насильственная христианизация тюрко-татарского населения в первой четверти XVIII в. [5, с. 12–18]. Проанализированные антропонимические системы трёх больших групп в доисламский и исламский периоды свидетельствуют о способности самосохранения их древнетюркской антропонимической системы с её семантической структурой и перечнем антропонимов. Основной экстралингвистической причиной «долголетия» антропонимии является теснейшая связь с древними этническими традициями, которые отличаются устойчивостью, жизнеспособностью, патриархальным сознанием тюркского народа. Это проявляется в уважении предков и их имён. Всё это проявилось в процессах онимизации апеллативов в личные имена. Пратюркская антропонимическая система стала складываться в то время, когда древние тюрки придерживались языческих воззрений и верований.

Основной собственно лингвистической причиной сохранности антропонимов является наличие непосредственной связи тюркских антропонимов с тюркскими апеллативами: существительными, прилагательными, числительными, глаголами. Следует отметить также продуктивность фонетических показателей, словообразовательных средств и структурных антропомоделей, применяемых при образовании личных имён.

Современные тюркские личные имена сопряжены с исконными наименованиями объектов природы: а) небесных тел (*Ай, Кояш, Нур*); б) названиями металлов и минералов (*Алтын, Таш, Тимер, Чуерташ*); в) кличками и названиями животных (*Арслан, Кармышак, Кочек, Кучкар*); г) словесными обозначениями орудий труда (*Балта, Булат, Сабан, Урак*); д) обозначением социальных и семейных отношений (*Абышка, Бай, Мурза*); е) глаголами состояния, желаний (*Кил, Калсын, Торсын, Туктасын, Улмас, Яшасен*); ж) цветовой лексикой (*Аккош, Карабай, Карабаш, Сарыбай*).

Фонетический состав онимов отражает особенности наречий, диалектов и говоров, которые описаны в тюркской диалектологии. Тот или иной диалект наречия генетически восходит к своему родовому (племенному) говору. *Татары* сохранили в древнем именнике, главным образом, кыпчакские черты, а также огузские, карлукские. *Барабинское наречие*, вероятно, по происхождению является древнетюркско-кыпчакско-булгарским и отражает черты, схожие с наречиями уйгуров, карлуков. Естественно, системы древних родовых и племенных диалектов в процессе своего развития приобретали новации благодаря внешним причинам — воздействию соседних языков. Для сравнения вокализма в звуковой оболочке антропонимов, имевших родовое и племенное происхождение в группах с исконной фонологической структурой тюркских языков, в центре системы гласных фонем оказались имена рассматриваемых групп, а на периферии — фонемы, отсутствующие в других группах. Следовательно, структура вокализма в антропонимах трёх групп в основных чертах сохранилась, а обнаруженные отклонения не изменили фонологической структуры и не внесли в вокализм изменений. *Чередование консонантов* в антропонимах при сравнении с системой согласных фонем в тюркских языках обнаруживается в начальных и конечных позициях согласных. В центре схемы оказались аналогии *п/б* (передние, губные, чистые, смычные), *т/д* (средние, переднеязычные, зубно-альвеолярные, смычные), *к/г* (заднеязычные, мягконёбные, смычные), *ц/ч* (средние, переднеязычные, зубноальвеолярные), вместо *х/г* в тюркских языках — *х/к* в именниках трёх групп татар [5]. В алтайскую эпоху завершилось выделение тюркских племён, для языков которых было характерно наличие фонем *з/ш/с*. Таким образом, при сравнении отдельных фактов языка необходимо учитывать все трудности установления генеалогических связей и сложность определения степени родства, а в связи с этим и сложность относительной датировки того или иного фонетического, лексического и грамматического явления или процесса.

Проанализировав фонетико-морфологическую структуру наиболее ранних по происхождению антропонимов, можно констатировать, что в их составе выделяются два главных разряда

личных имён: *простые и сложные антропонимы*, представляющие собой именные или глагольные основы. *Простые* по своей морфемной структуре антропонимы, в свою очередь, подразделяются на *простые производные* (безаффиксные) и *простые производные* (аффиксальные) антропонимы. *Простые производные* (безаффиксные) антропонимы — это апеллятивные собственные имена, не поддающиеся дальнейшему морфологическому членению, т. е. антропонимы, образованные от корневых производных основ. Простые производные антропонимы являются в тюркских именниках наиболее древними, так как связаны с родоплеменной эпохой развития общества: *Алаша* — «кляча», *Чура* — «раб, невольник» и под. Это собственные имена, возникшие на основе апеллятивов.

Простые производные личные имена составляют большинство номинативных единиц в сравнении с простыми производными (аффиксальными) антропонимами. Это, вероятно, связано с удобством использования таких антропонимов в повседневной жизни, что и стимулирует их высокую продуктивность. При подсчёте простых и сложных антропонимов обнаружилось, что безаффиксные номинативные знаки имеют преимущество в древней антропонимической системе. К *простым производным* антропонимам относятся имена типа: *Ауык* — «открытый»; *Бакыр* — «медь»; *Балта* — «топор»; *Булак / Пулак* — «подарок»; *Егет* — «парень», «джигит»; *Кече* — «младший»; *Кочек* — «щенок»; *Кучкар* — «баран-производитель»; *Кубяк* (др.-булг.) — «собака»; *Кунак* — «гость»; *Сабыр* — «терпеливый», *Тимер* — «железо»; *Урман* — «лес»; *Урак* — «серб» и др.

Общественно-политическая жизнь СССР не оказала достаточно глубокого влияния на традиции выбора имени. Имена, заимствованные из арабского и персидского языков, за триста с лишним лет прочно и органично вошли в лексический состав тюркских языков. Историзм имён собственных безусловен, потому как во многих случаях именно онимическая лексика сохраняет следы исчезнувших слов, которые не употребляются в настоящее время. Описание исторического аспекта номинации представляет большой интерес в изучении мотивов имянаречения. 1920–1930-е годы — время смены политической и идеологической ориентаций — характеризуются созданием имён-неологизмов [3, с. 51–53]. Достаточно вспомнить такие имена, как *Владилен* (Владимир Ленин), *Гертруда* (герой труда), *Изольда* (изо льда), *Ким* (Коммунистический интернационал молодёжи), *Май*, *Майя*, *Молот*, *Мэлс* (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), *Октябрина*, *Рената* (революция, наука, труд), *Сталина*, *Трактор*, бурят. *Хубисхал* — «революция» и др. Однако наречение такими именами было редким.

По мнению О. Н. Новиковой, в процессе социализации люди усваивают систему имён в совокупности их социолингвистических и психологических импликаций как часть культуры. Имя выступает как социальный знак. Наличие фонда личных имён подразумевает устойчивые стереотипы коллективной оценочности, нормативные символы социоэтнической идентификации. Стереотипы личного имени, парадигмы образов сознания, понимаемые как способы восприятия имени, обеспечивают постоянство этого восприятия на уровне культуры как системы сознания, связанной с определённым этносом. Научным инструментом, позволяющим учесть сложную игру факторов, значимых для интерпретации комплекса закодированных разными способами сведений, может стать трактовка в формате оппозиции «свой» / «чужой», образующей когнитивную рамку восприятия именованного индивида. «Свой» характер имени закрепляется традицией. «Другое», «необычное» вытаскивает из удобного, привычного стереотипного восприятия человека через его именование, таким образом заставляя менять что-то в себе. Основанием этого процесса является прогностический характер имени: знакомое ведёт к привычным образам и ассоциациям. Выбор имени опосредуется историческим контекстом, культурными пристрастиями членов семьи. Выражая через имя свою волю, имядатель выступает как творец, который при помощи имени программирует судьбу новорожденного, предоставляет ему покровителя из числа предков, известных личностей или из каких-либо положительных сил; в имени закрепляются памятные места, явления, события. Так, имя выступает транслятором семейных и / или личностных ценностей [9, с. 36–41].

Больше всего тюркских элементов наблюдается в составе личных имён у найманов и керейтов, в речи которых сохраняется сильное влияние древнетюркской культуры, особенно через религию. В «Сокровенном сказании...» зафиксированы, например, такие личные имена найманов и керейтов, как (1) *Алтун-Ашуук* (< др.-тюрк. *алтунашуук* — «золотая лодыжка» или «золотой шлем»).

(2) *Кучулук-хан* (< др.-тюрк. *кючлюг* — «сильный, могущественный»).

(3) *Йеди-Тублук* (< др.-тюрк. *йедитуглук* — «семизнаменный»).

(4) *Инанча-Бильгекан* (< др.-тюрк. *Ынанчубилгекан*, ср. древнетюркские личные имена *Билге-Казан*, *Кюлбилге хан*, *Ынанчубилге*, *Ынанчу чур*; здесь *ынанчу* < др.-тюрк. *ынанч* — «вера, доверие; доверенный» — употребляется и как титул, восходит к др.-тюрк. *ынан* — «верить, доверять»; *билге* — др.-тюрк. «мудрый» — от др.-тюрк. *бил* — «знать», «уметь»).

(5) *Сангум* (< др.-тюрк. *сангун* — воинский титул).

(6) *Эльку-тур* (здесь два др.-тюрк. слова: *эль* и *кутур*, где *эль* — «племенной союз, народ» — часто встречается в составе древнетюркских личных имён, например, *Эль Буга*, *Эль*

Тэмюр, Эль Чур; а *кутур* является фонетическим вариантом древнетюркского *кутуз* и имеет значение «буйный, бешеный»).

(7) *Гучугудун-Буйрук-кан, Буйрук-кан, Курча-кус-Буйрук-кан* (здесь компонент *Буйрук* восходит к др.-тюрк. *уйрук, буйурук* — «приказной», употребляющемуся также и как титул, название должности; от др.-тюрк. *буйу* — «приказывать»).

(8) *Олукйасун* — «мёртвые кости» — от тюркского. Ср. др.-тюрк. *олуе* — «мёртвый» от др.-тюрк. «умирать».

(9) *Орок* можно возвести к др.-тюрк. *орук* — «дорога, путь». В современных тюркских языках слово *орук, орок* — «дорога» имеет, как и лексема *йол*, ещё и значение «полоса» (обычно тёмная на светлом фоне). Таким образом, тюркизм хорошо объясняет значение выражения *орокиминкула* как «белый конь с чёрной полосой на спине».

(10) *Утураку* — «идти впереди всех» < др.-тюрк. *утуру, утру, утра* — «напротив, на встречу». Ср.: др.-тюрк. *утрын-, утрун* — «противиться, противодействовать».

(11) *Учумак* — название типа стрелы; возможно, происходит от тюрк. *уч* — «летать, лететь».

(12) *Карши* — «дворец»; *ноуужукарши* — «походный дворец» < др.-тюрк. *каршы* — «дворец»;

(13) *Коастанокит* — «прекрасные девицы» < тюрк.-тув. *каас* — «нарядный», хакас. *хоос* — «рисунок, узор», чул.-тюрк. *коос, куас* — «красивый», тоф. *каас* — «рисунок, узор; украшение», *каастыг* — «нарядный, красивый; разукрашенный».

(14) *Кош* — «жилище, дом»; *кошиллик* — «палатка, запасная юрта» < тюрк., кирг. *кош* — «запасная юрта; кочевой лагерь», туркм. *гош* — «полевой стан», чагат. *кош* — «кочевой лагерь», др.-тюрк. *кош* — «запасной». Из современных монгольских языков это слово представлено в калмыцком, где оно существует в форме *хош* и имеет значение «временная стоянка; полевой табор», а также «вторая юрта (при главной)».

(15) *Тэрмэ* — «праздничный шатёр». Ср.: башк. *тирмэ*, ног. *терме уй*, тув. *тербеог* — «войлочная юрта», кирг., каз. *терме*, узб. *терма* — «сборный». В основе всех этих слов лежит тюркское *тер* — «собирать». Калмыцкий термин *терм* — «стенная решётка кибитки» — восходит к тюрк. *терме*, образованному от тюрк. *Тер*.

(16) *Монг* — «огорчение» < др.-тюрк. *мунг* — «страдание, горе, тягота, нужда, забота».

(17) *Чака* — «дитя» < тюрк. *чака*. Ср.: тур. *чака*, башк. *сага*, тат. *чага*, кирг. *чака*, каз. *шага* — «ребёнок», х.-монг. *цах* — «младенец».

Выводы. Исследование антропонимической системы древних тюрков на материале древнетюркских памятников письменности свидетельствует о том, что имя собственное отражает этнические и эстетические установки общества в разные периоды его социально-культурной, политической и духовной жизни. Анализ антропонимических систем трёх больших групп тюркских народов в доисламский и исламский периоды свидетельствует о способности самосохранения семантической структуры и перечня единиц древнетюркской антропонимической системы. Антропонимия даёт уникальный богатый материал для исследования истории фонетических, грамматических и словообразовательных моделей тюркских языков, их лексико-семантическую историю.

Л и т е р а т у р а

1. Бондалетов В. Д. Динамика личных имен в XX в. / В. Д. Бондалетов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем : проблемы антропонимики : сб. статей. — М. : Наука, 1970. — С. 92–106.
2. Гильфанова Ф. Х. Антропонимия сибирских татар в этнолингвистическом аспекте (на материале русских архивных документов XIX–XX в.в.) : дис. ... докт. филол. н. : 10.02.02 — языки народов РФ (татарский язык) / Ф. Х. Гильфанова. — Казань, 2010. — 370 с.
3. Джанузиков Т. Д. Очерк казахской ономастики / Т. Д. Джанузиков. — Алма-Ата : Наука, 1982. — 175 с.
4. Матвеев А. К. Ономатология / А. К. Матвеев. — М. : Наука, 2006. — 292 с.
5. Махпиров В. У. Имена далёких предков (источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики) / В. У. Махпиров — Алматы : Институт востоковедения МН-АН РК, 1997. — 302 с.
6. Никонов В. А. Задачи и методы антропонимики / В. А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем : проблемы антропонимики : сб. статей. — М. : Наука, 1970. — С. 33–56.
7. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. — М. : Наука, 1974. — 278 с.
8. Никонов В. А. Системы личных имен у народов мира. Вместо введения / В. А. Никонов // Системы личных имён у народов мира. — М. : Наука, 1989. — С. 5–10.
9. Новикова О. Н. Тенденции развития британского антропонимикона : дис. ... докт. филол. н. : 10.02.04 — германские языки / О. Н. Новикова. — Уфа, 2012. — 435 с.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 365 с.

References

1. Bondaletov, V. D. (1970), «The dynamics of personal names in the XX century», *Personal names in the past, present and future : problems of anthroponymics : collection of articles* [«Dinamika lichnykh imion v XX v.», *Lichnyje imena v proshlom, nastojashhem, budushhem : problem antroponimiki : sbornik statej*], Nauka, Moscow, pp. 92–106.
2. Gil'fanova, F. Kh. (2010), *Anthroponyms of the Siberian Tatars in ethnolinguistic aspect (based on the Russian archival documents of XIX–XX cc.) : Thesis* [Antroponimija sibirskikh tatar v etnolingvističeskom aspekte (na materiale russkikh arkhivnykh dokumentov XIX–XX v.v.) : dis. ... dokt. filol. n. : 10.02.02 — jazyki narodov RF (tatarskij jazyk)], Kazan', 370 p.
3. Džhanuzakov, T. D. (1982), *Essay of the Kazakh onomastics* [Očerok kazahskoj onomastiki], Nauka, Alma-Ata, 175 p.
4. Matveev, A. K. (2006), *Onomatology* [Onomatologija], Nauka, Moscow, 292 p.
5. Makhpirov, V. U. (1997), *The names of ancient ancestors (the sources of the formation and the peculiarities of functioning of the ancient Turkic onomastics)* [Imena dalekikh predkov (istochniki formirovanija i osobennosti funkcionirovanija drevnetiurkskoj onomastiki)], Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Almaty, 302 p.
6. Nikonov, V. A. (1970), «The objectives and the methods of anthroponymics», *Personal names in the past, present and future : problems of anthroponymics : collection of articles* [«Zadachi i metody antroponimiki», *Lichnyje imena v proshlom, nastojashhem, budushhem : problem antroponimiki : sbornik statej*], Nauka, Moscow, pp. 33–56.
7. Nikonov, V. A. (1974), *The name and the society* [Imia i obshhestvo], Nauka, Moscow, 278 p.
8. Nikonov, V. A. (1989), [«Sistemy lichnykh imion u narodov mira. Vmesto vvedenija», *Sistemy lichnykh imen u narodov mira*], Main editorial office of Oriental Literature, «Nauka» Publishing House, Moscow, pp. 5–10.
9. Novikova, O. N. (2012), *Trends in the development of British anthroponymy : Thesis* [Tendencii razvitiija britanskogo antroponimikona : dis. ... dokt. filol. n. : 10.02.04 — germanskije jazyki], Ufa, 435 p.
10. Superanskaja, A. V. (1973), *The general theory of proper names* [Obshhaja teorija imeni sobstvennogo], Nauka, Moscow, 365 p.

МУССАБЕКОВА Урзада Абилкасимівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри тюркології Євразійського національного університету імені Л. М. Гумільова; Астана, Казахстан; e-mail: mussabekovaya@yandex.kz;
ORCID ID: 0000-0002-0784-3874

АНТРОПОНІМІЧНА СИСТЕМА СТАРОДАВНІХ ТЮРКІВ (НА МАТЕРІАЛІ ДАВНЬОТЮРКСЬКИХ ПАМ'ЯТОК ПИСЕМНОСТІ)

Анотація. *Мета* статті — розглянути власні назви, що містять у собі культурну інформацію, будучи відображенням етнічних і естетичних установок. *Об'єкт* аналізу пов'язаний з різними періодами соціально-культурного життя, яке характеризується стереотипними уявленнями про функції імені в суспільстві, що відбивають події його політичного або духовного життя. *Предмет* дослідження — аналіз антропонімічних систем трьох великих груп тюрків у доісламський і ісламський періоди. *Результати* роботи свідчать про здатність самозбереження семантичної структури та переліку одиниць давньотюркської антропонімічної системи. У роботі використано *методи* синхронічного та діахронічного вивчення власних назв, що дозволяє перейти від опису окремих закономірностей до узагальнювальних досліджень антропонімічних проблем у лінгвістиці, психології та соціології. *Практична актуальність* дослідження пов'язана з незгасним інтересом людей до імен, пізнання їх значень, впливу на долю людини, його поведінку в суспільстві. *Висновки.* Однією з причин «довголіття» тюркської антропонімічної системи є її тісний зв'язок з усталеними древніми етнічними традиціями, які проявляються в повазі предків і їхніх імен. Антропонімія дає унікальний багатий матеріал для дослідження релігійних словотвірних моделей і етнічної історії. У МКС тюркських народів принцип антропоцентризму зберігається навіть тоді, коли ціна життя людини нівелюється, а суспільство обирає інші ціннісні орієнтири.

Ключові слова: антропонімічна система; творення імені; ім'янаречення; новотюркська епоха; давньотюркські та кипчакські антропоніми; ідентифікація.

Urzada A. MUSSABEKOVA,

PhD (Candidate of Philology), Associate Professor of Turkic Studies Department, Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan; e-mail: mussabekovaya@yandex.kz;
ORCID ID: 0000-0002-0784-3874

ANTHROPONYMIC SYSTEM OF ANCIENT TURKS (ON THE BASE OF ANCIENT TURKIC WRITTEN MONUMENTS)

The *purpose* of the article is to study proper names of the ancient Turkic anthroponymic system, which includes cultural information, reflecting the ethnic and aesthetic ideals of society. The *object* of analysis is associated with various periods of social and cultural life, characterized by stereotypes about the function of name in a society, which represents the events of a political or spiritual life of the country. The *subject* of

research is the analysis of anthroponymic systems of three large Turkic groups in the pre-Islamic and Islamic periods. The **results** of the work demonstrate the ability of the ancient Turkic anthroponymic system to self-preservation of the semantic structure and a list of units. The study of proper names in synchronic and diachronic aspects allows us to move from the description of particular laws to integrated research of anthroponymic problems in linguistics, psychology and sociology. The **practical relevance** of the research is associated with undying interest of people to the names, to knowledge of their values and influence on the destiny of a person, his behavior in society.

Conclusions: One reason for the «longevity» of the Turkic anthroponymic system is its close connection with the stable ancient ethnic traditions, which are manifested in respect for ancestors and their names. Anthroponyms give plentiful and unique material for the studying of relic word-formation models and ethnic history. In the Turkic language picture of the world the principle of anthropocentrism is retained even when the price of human life is leveled, and the society elects other value systems.

Key words: anthroponymic system; name-formation; naming; New Turkic era; Ancient Turkic and Kypchak anthroponymy; identification.

Статтю отримано 28.03.2016 р.